

Сяо Юй отверг помощь Адриана и, преодолевая боль в спине и бедрах, взобрался в седло. Рядом подъехал Лайт и спросил:

— Как ты?

— Ничего, — Сяо Юй лишь кивнул, не добавляя больше слов.

Отряд быстро двинулся в путь. Впереди заместитель командира Уильям отдал приказ, и четверки рыцарей одна за другой направились в пустыню. Золотистые пески расстилались словно чистый холст, и длинная вереница всадников оставляла на нем следы копыт, которые ветер тут же заносил желтой пылью.

Оказавшись вне пустыни, они оставили позади бескрайние песчаные бури, а редкие оазисы, попадавшиеся по пути, принесли рыцарям облегчение. Все они были покрыты слоем пыли и с нетерпением ждали возможности привести себя в порядок в ближайшем городе.

В расслабленной атмосфере некоторые рыцари даже затянули песню. Мелодия была печальной и возвышенной, и рыцари её очень любили. Сяо Юй никогда не подпевал, ему просто нравилась музыка. Услышав её, Лайт обернулся к Сяо Юю:

— Знаешь историю этой песни?

Сяо Юй не успел ответить, как с другой стороны вмешался Адриан:

— Я уже рассказывал Сяо.

Сяо Юй кивнул. Раньше Адриан пытался заставить его петь, рассказывая несколько песен с трагическими историями любви, надеясь растрогать его. Однако Сяо Юй обладал весьма посредственным музыкальным вкусом и мог лишь наслаждаться мелодией, но никогда не пел сам. Из-за этого Адриан долго пребывал в унынии.

История этой песни повествовала о влюбленных. Мужчина-рыцарь в день после свадьбы получил повестку и ушел на фронт, а девушка каждый день выходила за пределы города и смотрела в бескрайнюю пустыню, день за днем ожидая возвращения возлюбленного.

Год, два, пять лет прошли, но мужчина не возвращался. Все считали его погибшим, но девушка верила, что он вернется. В конце концов она собрала вещи и одна ушла в бескрайнюю пустыню.

Разумеется, в истории также звучала вражда между крестоносцами и сарацинами и воспевался долг рыцаря, откликающегося на призыв к битве.

Повисло долгое молчание, после чего Лайт медленно произнес:

— Тот мужчина погиб на поле битвы между крестоносцами и сарацинами... Ненависть между католиками и мусульманами — это не только вопрос религии.

Сяо Юй усмехнулся и задал встречный вопрос:

— А как ты понимаешь, что такое религия?

Лайт на миг задумался, затем ответил:

— Религия — это вера. Иисус учил любить и творить добро, и это основа католического

вероучения. Религия сплочает людей. Стоит в войне водрузить Истинный Крест, как воины обретают дух и становятся неуязвимыми для страха, ибо верят в заступничество Бога.

Сяо Юй снова усмехнулся и небрежно заметил:

— «Не предавайтесь пьянству и распутству; не будьте сребролюбивы и завистливы. Но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и не попекайте о плоти в похотях». Такое поведение под силу лишь аскетам. Зачем крестоносцы отправились в Восточный поход? В конечном счете — из-за конфликта интересов. Прощение Византии как раз стало для Урбана II поводом отвлечь внимание от противоречий с феодалами, а что сделали крестоносцы в Иерусалиме?□ Это любовь? Это добро?

— Католическая церковь называет их неверными, — ответил Лайт.

— Бог учит любви и милосердию, а к иноверцам призывает относиться с беспощадностью и истреблять их. В чем же тогда принципиальная разница между католиками и мусульманами? Точнее, в чем разница, ведь оба они — люди? Разве можно лишь из-за различия в вере питать друг к другу ненависть и убивать друг друга?

— Дело не только в вере. Противоречия, вызванные религиозными различиями, тянутся годами, но причина более прозаична — противостояние государств. А те солдаты, что пошли в поход, под влиянием проповедей Святого Престола верят, что убийство иноверцев откроет им врата в Рай.

— Значит, здесь религия служит лишь поводом для убийства.

— Сяо! — рядом Адриан тихо предостерег. — Я знаю, что ты презираешь католические догмы, но на людях, по крайней мере, следи за своими словами. Не все в ордене готовы принять то, что ты говоришь.

Сяо Юй повернулся к Адриану и пожал плечами, весело заметив:

— Ты же знаешь, Адриан, я никогда не боялся фанатиков. Но если говорить об ереси, то ты тоже не далеко ушел.

— Искренность человека и его спасение зависят от сердца, а не от убийства иноверцев, — тихо вздохнул Лайт.

— *Sola fide*,□ — прошептал Сяо Юй, и тихие слова растворились у него на губах.

Они переглянулись и вдруг громко рассмеялись.

Дальнейший путь прошел намного легче. Из подъехала ближе и с энтузиазмом рассказывала Сяо Юю о разных забавных случаях, произошедших за эти годы в миссиях. Лайт, казалось, после разговора сблизился с Сяо Юем и иногда присоединялся к беседе, а Адриан с безучастным видом наблюдал за их весельем, вмешиваясь лишь тогда, когда они заходили слишком далеко.

К полудню отряд благополучно добрался до Аскалона. Высокие и массивные стены казались неприступными, а из-за зубцов виднелись возвышающиеся в городе здания. Стоявшему у подножия стены приходилось высоко задирает голову, чтобы разглядеть наверху отряд вооруженных копьями стражников. На сторожевых башнях висели рога, и один из солдат как раз спускался вниз — всё это говорило о мощной обороне Аскалона.

Орден заплатил несколько динаров и беспрепятственно вошел в город.

Проехав немного, Адриан осадил коня и велел Уильяму распустить рыцарей с условием собраться к вечеру в обычном месте. Рыцари, оказавшись в городе, заметно оживились и, услышав приказ Уильяма, с радостными возгласами разошлись кто куда, оставив Из, Уильяма, Фароса, Эдгара и Анри спешившимися в стороне.

Из с трудом развязала слои ткани, в которые была закутана с головы до ног, оставив открытыми лишь глаза, и глубоко вздохнула. Её голос, до этого звучавший глухо, словно из-под глиняного сосуда, сразу стал звонким:

— Этот песок просто убийца. Думаю, кожа, которую я так старательно восстанавливала, снова испорчена.

Анри в это время развязывал длинный лук за спиной и доставал стрелы из черной ткани, чтобы переложить их в колчан. Услышав её слова, он обернулся и с насмешкой произнес:

— Из, ты ведь каждый день с орденом живешь в поле. Через пару лет ты точно станешь морщинистой старухой с грубой кожей.

Едва он договорил, как Из шагнула вперед и с молниеносной скоростью выхватила лук из рук Анри. В ту же секунду лицо Анри изменилось, он бросился вперед, пытаясь вернуть оружие, но Из быстро отпрыгнула на безопасное расстояние.

Из держала лук перед собой, разведя руки в разные стороны, и уперлась ногой в рукоять, высоко подняв подбородок. Прищурившись, она смотрела на вспотевшего от волнения Анри:

— Повтори?

— Да не надо, не надо, не надо! Из, хорошая Из, дорогая Из, осторожнее! Это же тис! — Анри поднял руки, в голосе звучала мольба. — Из, это мне престарелая мать подарила перед отъездом в Иерусалим. Неужели у тебя поднимется рука уничтожить эту вещь, наполненную материнской любовью? О, дорогая Из, я знаю, ты всегда была доброй девушкой! — К концу фраз Анри уже перешел на аристократическую манеру речи.

Уильям в стороне молча потёр лоб, Эдгар решил сохранить нейтралитет и делать вид, что не видит этой сцены, Адриан сохранял невозмутимое выражение лица, хотя Сяо Юй заметил, как уголок его губ дёргался, выдавая волнение.

Наконец Уильям, видя, что любимый английский длинный лук Анри вот-вот будет сломан, не выдержал и вмешался:

— Анри, если бы твой учитель этикета увидел, как ты сейчас обращаешься с леди, он бы восстал из могилы. — Конечно, критика в адрес Анри была необходима, затем он повернулся к Из, которая всё еще стояла, упервшись ногой в лук, и с серьезным видом добавил:

— Из, ты же знаешь, что у Анри язык без костей. Ты каждый раз угрожаешь его луком, но ведь ни разу действительно не сломала, так?

□ Сяо Юй имеет в виду резню, которую учинили крестоносцы после взятия Иерусалима в 1099 году.

□ «Sola fide» — латинское «только верой», центральная идея Реформации XVI века, учение об

оправдании одной лишь верой.

<http://bllate.org/book/16685/1530935>